

ЧТО происходит в наше время в исламе и в исламском мире? По большому счёту, именно этим вопросом мы задались в данном выпуске журнала. Именно он поднимается в рамках круглого стола и в опубликованных в номере интервью, на эту тему так или иначе рассуждают практически все авторы статей. Нет необходимости говорить о том, насколько этот вопрос актуален — об этом нам практически ежедневно напоминают выпуски новостей. Этим вопросам не раз задавались и учёные во всем мире. Однако ответы на них в основном уместались в ориенталистскую парадигму и сводились к рассуждениям о том, «что не так с исламом и мусульманами» (*What Went Wrong?* — так назвал свою известную книгу востоковед Бернард Льюис). Можно ли вдохнуть в эти дебаты новую жизнь и новые смыслы? Мы попытались решить эту задачу двумя способами.

Во-первых, мы привлекли к дискуссии не только профессиональных исламоведов, но и представителей других дисциплин. Среди авторов нашего выпуска — социологи, политологи, журналисты. Причём среди них есть те, кто смотрит на исламскую проблематику «со стороны», как на предмет изучения, а есть и сами мусульмане, для которых этот разговор — не об отвлечённых материях, а о важнейших вопросах их собственной жизни. С одной стороны, это породило проблему поиска общего языка и стиля дискуссии. Однако, с другой стороны, это позволило разнообразить спектр представленных позиций.

Во-вторых, мы постарались максимально расширить концептуальные рамки дискуссии, не боясь и не чураясь подходов, выходящих за рамки мейнстрима, представляющихся нестандартными, иногда парадоксальными, не избегая столь немодных в современной науке метанарративов. Наши авторы рассуждают об исламской реформации и о наступлении эпохи неомодерна, о постсоветских истоках российского джихадизма и о разных детерминантах декларативного оправдания насилия и применения насильственных практик.

И все же из всего многообразия идей в качестве центральной для этого выпуска мы выбрали идею *исламской реформации*, или *реформации в исламе*. В первую очередь, это сделано потому, что мы считаем уместным и полезным сравнение с европейской Ре-

формацией. И дело не просто в проведении красивых аналогий. Исторический опыт протестантской Реформации даёт богатейший и еще до конца не освоенный материал для изучения роли религиозных идеологий в переломные моменты истории. Кроме того, как это следует из самого факта сравнения с европейской Реформацией, нас интересует не только и даже не столько механизм изменения внутри религиозной традиции как таковой, сколько взаимосвязь этих изменений с динамикой исламских обществ в целом.

Обсуждение исламской реформации обычно ведётся либо специалистами по исламу, не очень хорошо знающими специфику борьбы католиков и протестантов, либо экспертами по христианству, не имеющими глубоких знаний об исламе. Мы попытались хоть в какой-то мере преодолеть эту проблему.

Мы не претендуем на роль первооткрывателей. Попытки поиска собственной реформации в исламе имеют долгую историю. Однако подобная трактовка ранее не ставилась в центр дискуссии, не являлась ее стержнем. В этом выпуске журнала идея реформации явно или неявно, в позитивном или негативном контексте обсуждается в большинстве представленных статей, вокруг неё во многом строится обсуждение на круглом столе, она регулярно всплывает в интервью.

Выпуск открывается статьей Ирины Стародубровской, которая формулирует и разбирает эту стержневую аналогию между исламской реформацией и протестантским прототипом. Вспоминая парадоксы европейской Реформации, когда действия реформаторов порой приводили к последствиям, к которым они не стремились, автор утверждает, что носителями исламской реформации являются как раз те силы, которые принято называть фундаменталистами или салафитами. Именно они, будучи наиболее индоктринированными и нетерпимыми к существующим общественным отношениям, ломают традиционные рамки и структуры, расчищая общественное поле. Для чего? Протестантская Реформация создала условия для развития капитализма и европейского модерна в целом, но это стало ясно далеко не сразу. Применительно к исламу вопрос пока остаётся открытым.

В своем обзоре наиболее важных западных и российских подходов к исламской реформации Софья Рагозина обращает внимание на другой парадоксальный факт — исламскую реформацию связывают как с либеральными исламскими идеологами, так и с фундаменталистами, и при этом всегда открыто или скрыто присутствует оценочная дихотомия «хорошего» и «плохого» ис-

лама. Сама же автор ассоциирует себя с теми учеными, которые считают исламскую реформацию искусственным конструктом, предлагают отказаться от глобальных обобщений и больше внимания обращают на особенности отдельных общин.

Что означает повышение роли ислама в мире в контексте глобальных процессов? Что означает наступление «постсекулярной эпохи» — если мы постулируем наличие таковой — для ислама и Ближнего Востока? Отвечая на эти вопросы, Василий Кузнецов делает вывод о том, что постмодерн сменяется новой эпохой — эпохой неомодерна, в рамках которой сочетается модернистская потребность в «месседже» (возврат к метанарративам), постмодернистский способ его выражения и домодерное, архаичное содержание. Оливье Руа, статью которого мы помещаем в переводе, рассматривает другой феномен — «ислам на Западе» — который он считает частью внутренних западных дебатов и который адаптируется к западному глобальному модерну путем «декультурации» — отрыва от территориально-культурных корней и превращения в «чистую религию».

Остальные пять статей посвящены российскому исламу. Все они построены вокруг все той же сквозной идеи блока. Альфрид Бустанов и Дарья Дородных, а также Шамиль Шихалиев обращаются к российским дореволюционным исламским движениям, которые получили общее название джадидизма и считаются классическим примером исламской реформации или исламского модернизма. Бустанов и Дородных начинают с глубокой критики историографии джадидизма в духе «просветители против мракобесия» («новый журнал против старинной рукописи»); они выявляют несколько нарративов о российских мусульманах и предлагают свой собственный нарратив, подкрепленный анализом архивных мемуаров татарского джадида Габдуллы Буби, с его проектом альтернативной, исламской империи. Шихалиев пишет, на основе большого количества источников на арабском языке, об исламских реформаторах Дагестана первой трети XX в., которые находились под перекрестным влиянием тюркоязычных поволжских джадидов и ближневосточных (арабских) классиков исламской реформы. Автор показывает, что в центре дагестанских дискуссий были не только вопросы модернизации образования, но и богословские проблемы, которые перекликаются с теми, которые дебатировались сегодня: *таклид*, *иджтихад*, отношение к суфизму и ваххабизму.

Данис Гараев, Константин Казенин и Евгений Варшавер в соавторстве с Ириной Стародубровской посвящают свои статьи современным северокавказским сюжетам. Здесь исламская ре-

формация присутствует латентно как идея более или менее радикального прочтения ислама с целью его адаптации к культурным и нормативным структурам современности. И во всех случаях так или иначе возникает проблема легитимации насилия в обществе, где глобальные конфликты накладываются на местные.

Гараев рассматривает тексты лидеров северокавказских джихадистов, написанные в 1990-х–2000-х гг., и показывает, что, хотя на первый взгляд их идеи кажутся некой дистилляцией, поиском «чистого (глобального) ислама» в том же духе, в каком об этом говорит Оливье Руа (и сами джихадисты ассоциируют себя со «всемирным халифатом»), на самом деле это не совсем так: в русскоязычных текстах раннего постсоветского периода, переполненных советскими культурными клише, автор находит региональные, (пост)советские корни кавказского джихадизма.

Варшавер и Стародубровская исследуют отношение к насилию на основе интернет-опроса 1600 дагестанских мусульман, подразделяя их на несколько групп, в зависимости от степени и типа их исламской идентичности (от более «традиционных» до более «фундаменталистских»). При этом выясняется, что если декларативное признание допустимости насилия связано, в том числе, и с фундаменталистскими взглядами, то оправдание насильственных практик определяется, в первую очередь, социальными условиями.

Казенин предлагает тонкий анализ «правового плюрализма» в том же Дагестане, где шариатские нормы и исламский авторитет — опять же в разной степени, в зависимости от типа акторов и типа конфликтов — встраиваются в нормативную ткань и структуру власти российского общества, компенсируя относительную слабость государственных и, в особенности, судебных институтов. При этом шариат конкурирует, в первую очередь, не с российским правосудием, а с тем, что автор называет режимом «коалиционного клинча», предполагающим по сути силовое решение конфликтов.

Круглый стол и два интервью, с Тауфиком Ибрагимом и Орханом Джемалем в конце тематического блока возвращают читателя от частных, конкретных и богато документированных российских кейсов к общим концептуальным размышлениям. «Мозговой штурм» в отношении современных процессов в исламе, далеко не охватив всех содержательных сюжетов и всей географии мусульманского мира, позволяет, однако, расставить ряд смысловых координат, которые, как мы надеемся, помогут успешной навигации в этой области.

Ирина Стародубровская, Александр Агаджанян